

СВОИ И ЧУЖИЕ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ФОНД
СЕРГЕЯ СЕМЕНОВА

Оглавление

[Аннотация](#)

[Фрагмент I](#) Девчонки из леса.

[Фрагмент II](#) Обновки и раздумья.

[Фрагмент III](#) Люстры из паутины. Невеселое прошлое. Чёрный год.
Жульки и орёл. Каторга за 17 тысяч

[Фрагмент IV](#) Явление Ксаны. Смирный зверь Rosen-Лев. Хорёк с
заточкой.

Аннотация

Литературный фонд Сергея Семенова представляет вашему вниманию фрагмент **повести «Свои и чужие»**. Данное издание - сигнальный экземпляр, на сайте WWW.HAPPYRESUME.RU размещены и другие тексты интересного автора. В качестве редкой новинки на сайте использованы moovie-иллюстрации (буктрейлеры). Приобрести полный текст повести и других произведений вы можете, нажав на кнопку "Перевести" (ниже указанной стоимости произведения), при этом вы перейдете в платежный сервис ЮMoney, там укажете в строке свой электронный адрес и перечислите с карты, заполнив ее данные в сервисе, в ЛитФонд сумму, которая была указана на сайте над кнопкой "Перевести". После перевода на ваш электронный адрес поступит выбранное вами произведение в нескольких форматах: ePUB (для электронных книг), также в форматах pdf и zip. Кроме того, вы можете написать нам по адресу:

semenov-2211@yandex.ru

надеемся, вам понравится проект ЛИТФОНД

Судьба сталкивает успешных коммерсантов Стаса и Гарика, девчонок-сирот, Алину и Яну Барабановых, владелицу ресторанной сети Катю, вызывающе красивую разлучницу Ксану и многих других людей. Происходит это в ярких, трагичных, возвышенных и часто мрачных обстоятельствах. Текст заставит вас по-другому взглянуть на мир вокруг, задуматься, кто тут свой и кто чужой. Какой мерой это измерить и почему так дорога бывает встреча с теми, кого любишь, за кого бьешься и побеждаешь. Себя, других, время, расстояния. Какова плата и кому ты навсегда останешься должен.

ПО СТРОКАМ ПОВЕСТИ

Из размышлений Стаса (глава вторая)

Иногда хочется взять и привязаться к какой-нибудь, хотя бы и к этой вот рыжей, но из этого выходит мало хорошего. По заказу ведь не бывает: с будущей среды мы в друг друга, вот так, по уши влюбены.

Жизнь иногда казалась ему лугом, залитым ледяной мартовской водой. Вроде бы и красиво, солнце там, небо, а безразличное всё, само по себе. Чужое. Жив ты или нет, этой красоте плевать.

...Когда тот уже начал падать на него, как стоял, в рост, Гарик заделал ему в пах. Дядька сложился пополам и гулко долбанулся о землю. Девчонки подвывали рядышком, раскрывая рты. Стас подобрал заточку. Не нож, конечно, но завалить такой можно запросто.

Чужой дом. Никак не привыкнуть (глава третья)

Но теперь эта девочка разглядывала чистые, выглаженные, и даже новые, но чужие вещи, как будто разглядывала его, Стаса, жизнь. И не все в этой жизни выходило хорошее, такое, чтоб можно было другим показать.

Объяснения самому себе (глава четвертая)

Иногда любовь прикидывалась магазином, иногда - войной. Редко выскакивало небольшое острое счастье. Выскочит и потеряется. Чаще стыд, похмелье, продажи, скука, страх. Много всякого.

Приворотное средство

Когда-нибудь выдумают такое средство, чтоб принял его и - р-раз - снова прилюбиться. Или наоборот, разбежаться. И чтоб потом не было больно.

Бабка Ерина (глава пятая)

Бабка Ерина замолчала, пожевала губами и очки съехали у нее на кончик носа сами собой. Бабка приоткрыла рот и уставилась на

деньги, которые Катя раскладывала перед ней на столе. Кот тоже всем этим страшно заинтересовался, встал на табурет и выставил морду над столешницей, как будто собирался помочь Кате считать.

Хорёк на терраске (глава восьмая)

И серенький Хорек сунул руку в сумку и вытащил оттуда длинный штырь. Катя пригляделась, в руках у Хорька оказался напильник, сточенный в гранёное стальное жало. "Такой штуки черти боятся. Как дашь... Боятся, да!", - тихонько сказал он, поглаживая заточку.

Дальше Стас ничего подумать не успел, потому что Хорёк скривился, лобик его пошел морщинами, а рот так и остался открытым, торчали мелкие желтоватые зубы - и пошел на Стаса, выставив вперед жало заточки. Стас машинально двинулся назад. Где-то сзади, может, на крыльце, раздался треск, деревянный, оглушительный, какой бывает, если два мужика сходу хотят высадить старую, но стойкую еще дверь. Вот этот треск, пожалуй, и спас Стаса.

Разговор в квартире 227 (глава тринадцатая)

Ксана закрыла ладонью рот и отступила в комнату. И встала на фоне открытого окна. Там, за окном, переливался широкий двор, кто-то бил по мячу и хлопал сеткой. Там, на улице были мирные дела. Не то, что тут, в комнате.

Абрикосовый закат (глава четырнадцатая)

К ним заглянула Яська, принаряженная, с модно подстриженными кудряшками, в новеньких туфельках. Стас вдруг заметил, что у Гарика дёрнулась щека. Коротко так, как бывает, если люди сильно волнуются. Катя оглянулась на Яську и губы у неё запрыгали. Яська кивнула Але: чего, мол, вы тут придумали.

СВОИ И ЧУЖИЕ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

ГАРИК и СТАС – молодые ребята, компаньоны, у них фабрика по выпуску кожаных изделий в Пялово, торговая сеть в Пушкино, большой загородный дом, новенькие джип и «мазератти», а еще много выдумок в голове, хороших и не очень. В фешенебельной зоне отдыха «Маракана» у них платиновые карточки, что предполагает высший уровень обслуживания. Оба они высокие, симпатичные. Гарик немножко поглубже Стаса, попроще.

АЛИНА БАРАБАНОВА, АЛЯ – молоденькая девушка, красивая, как принцесса. И вместе с тем она беднее бедного. Но благородства ей не занимать. Застенчивая, гордая и бесстрашная.

ЯНА БАРАБАНОВА, ЯСЯ – ее сестричка, ей нет еще семи лет. Но она обещает стать красавицей еще большей, чем Аля. Одни кудряшки чего стоят. Сестры – круглые сироты.

КАТЯ ВАЛЬКОВА – владелица сети загородных ресторанов на трассе М8 «Холмогоры», старая знакомая Гарика и Стаса

КСАНА – слишком близкая Стасу женщина, жёсткая красавица

ВЕРЧИК – директорша одного из Катиных ресторанов

СТЕПАН СТЕПАНЫЧ – бригадир садовников

ВАЛЬКА – отчим Али и Яськи, отвратительный, надо сказать, человек. Если б только пил, так это полбеда...

СЁМЧИК – пушкинский следователь, приятель Стаса и Гарика

КОПАЛИН - пушкинский опер, приятель Сёмчика

ХОРЕК – психопат, ему по вечерам являются унылые погибельные черти

ЛЕРА – эскортница бизнес-класса

РИТА – буфетчица из пансионата Речфлота

ЛЕНКА – ресторанный стажёрка в «Маракане»

АЛИК, главарь ЛЁША, буфетчица ТАТЬЯША, барменша КАЛИНА – персонал зоны отдыха «Маракана»

ВАСИЛИЙ БОРИСОВИЧ ЕРОХИН – токсиколог

ЕВГЕНИЙ СЕРГЕЕВИЧ РИЗОВ – главный врач

ВИКТОРИЯ ПАВЛОВНА, ВИЧКА – его помощница

СЕРЁГИН – начальник охраны

ЕЛЕНА АЛЕКСАНДРОВНА ЦЫРИНА - медсестра

КАПИТАН КИРИЛЛ КОРКАЛИН - начальник Звягинского отдела полиции

ЕРИНА ТАТЬЯНА СЕРГЕЕВНА - вредная бабка

БАБА ВЕРА - участливая старушка

НОТАРИУС СЫЧЁВ - пронырливый человечек в изящных очках

Фрагмент I

Девчонки из леса.

... - Водилу вызывать или сами?

Гарик смотрел мимо Стаса, он как будто думал о чем-то важном. Эти выкрутасы были Стасу знакомы. Поломается и снова в норму войдет.

Иногда Стас ловил себя на мысли, что они живут одиноко. Но потом забывал об этом. Наверное, привык. Иногда ему хотелось взять и привязаться к какой-нибудь, хотя бы и к рыжей, но из этого выходило мало хорошего. По заказу ведь не бывает: с будущей среды мы в друг друга, вот так, мол, по уши. С другой стороны, нельзя полюбить на неделю. Когда случалось им загулять, Стас посередине всего мог подорваться и уехать, удивляя Гарика.

Каждый из них знал о другом все. Бизнес шел у них пополам: заказы, клиенты, поставки, транспорт. Вместе решали: вызвать или подождать, кого отпустить, кому заплатить и от чего отказаться. Они ни с кем не сходились близко, за редким и не слишком приятным исключением. Отношения с людьми вокруг складывались всегда одинаково: хозяева и персонал. Умные, верные, вежливые, какие хочешь. Но за отдельную плату. Только какое дело всем этим вежливым, расшибутся они сегодня или нет. Ну, найдут себе других хозяев, в чем проблема.

Так уж вышло, что у них с Гариком и с родней никак. Отец Гарика умер в прошлом году, а мать давным-давно. А он, Стас, своего отца вообще никогда не видел. Мать с отчимом с ним не очень знают. Жизнь иногда казалась Стасу лугом, залитым ледяной мартовской водой. Вроде бы и красиво, солнце там, небо, а безразличное все, само по себе. Чужое.

- Сами доедем... - задумчиво сказал Гарик.

Гарик мог собраться в две минуты, гулянка там или нет, хоть катер, хоть водки вагон и три Леры, плевать. Гарик мог посреди всего этого пойти умыться и оказаться совершенно трезвым.

"Ну, а остров, что же остров... Никуда он от них не денется. Сезон только начался. Еще успеют".

Стасу захотелось хлопнуть Гарика по плечу и сказать ему "старик", но это были сопли. И он не стал этого делать, взглянул на новенькую, сверкающую лаком, густо-синюю "мазератти" и протянул Гарика брелок:

- Валяй!

Дверца щелкнула и распахнулась. Гарик ухватился за крышу и легко влез внутрь. Авто не такое, чтоб по берегу гонять, но они приперлись сюда в четверг, с выставки, не заехав домой. А Лера, наверное, обиделась. Зато рыжая просто чума. Ей от них ничего не надо. Он веселится, когда захочется. И все.

Приземистый "мазер" дрогнул и выдал шлейф, как у "боинга", потом рывнул так, что Леша и паренек у шлагбаума обернулись и закивали.

"Интересно, чаевые, которые Стас ему дает, Леша делит поровну или берет половину себе? Надо будет у девчонок спросить. Надо будет.."

- Не газуй, люди спят, - буркнул Стас и ткнул в тахометр пальцем.

"Гул, как от вертолета. Лучше бы сам повел..."

Залив поехал влево и в сторону, Стас помахал Леше и откинулся на сиденье. Теперь только лес, до самой Мытни. Потом они маханут поперек, там уже вылезет Ликино-Ёкино. Еще пара поворотов и под мост. Дальше по трассе.

В лесу быстро темнело. Толстые сосновые стволы, березы и малинники, все слилось в одно враждебное пятно. Гарик снова газанул. Стас, прикрыв глаза, заметил:

- Трактор до утра ждать будем, если в овраг вывалишь.

Гарик поехал ровно, без виражей. Они миновали поворот к охотхозяйству, потом еще один, с лошадиной головой на щите. Когда мелькнула слева белёная остановка, Гарик тормознул.

- Пойду отолью.

Гарик вылез наружу и встал над канавой. Стас дремал под мерное шуршание струи по лопухам и лениво думал, а не надо ли и ему тоже. Он высунулся наружу и оглядел лес за канавой. Вдруг там, в этой опасной темноте, взвизгнула тонко девчонка. И в крике этом выскочил к ним отчаянный страх и чья-то беда.

Он даже и спросить ничего не успел, они ломанули через канаву.

Гаря неся, как лось, трещали кусты. Стас получил веткой по морде, пригнулся и подал влево. Теперь видно были отдельные стволы, прогалины. Все это, странное, тихое, чужое, как будто торопило их. Быстрее давай, быстрее!

В самой гуще, у молодого ельника, виднелись люди. Стас подошел ближе: впереди двое каких-то мерзотных. Рожи темные, опухшие. Крупные дядьки в мятых трениках и майках. Они прикрывали собой двух девчонок. Как волки добычу. Одна из девчонок была постарше, высокая, тонкая. Другая совсем малышня.

Тут маленькая взвизгнула и ударила дядьку ногой в сандалетке. Тот дернул ее за руку так, что девчонка покривилась. От боли. Стасу показалось, что это его дернули за руку, дернули и повернули. Он уже знал, что будет дальше и только чуть повел головой, выглядывая, готов

ли Гарик. Стас разозлился, мысли о какой-то опасности мелькнули сквозь выпитое. Мелькнули вдаль, как фонарик от детского велика, и пропали. Стучало в голове у Стаса только одно: девчонки, мелкота, и зверье рядом.

"Ну, что, Гаря, заделаем их!"

...Бродяги смотрели нагло. Звери в мятых трениках. Плотные, уверенные. Девушка рванулась назад, бродяга пихнул ее, хрипло выдохнул:

- Стой, с-сука!

Потом взглянул на них с Гариком заплывшими глазками и протянул дурковато:

- А чё, ребят... Чё надо-то?

И огляделся, и сунул руку в карман. Стас прыгнул к нему, не дожидаясь, пока тот вытащит руку обратно. Вместе с ножом или там еще с чем.

Все завертелось вокруг него быстро, как всегда случается в опасной драке. Стас саданул дядьку слева по шее, тыльной стороной ладони, так, что отдало в плечо. Дядька охнул и осел на колени. Другой бродяга закрутил головой, отступая назад, девчонка вырвалась от него, заорала. И дядька глядел еще на отвертку, которая выпала из грязных рук его приятеля, но Гарик присел и засадил в него серией: снизу в подбородок, справа, в висок, в грудь и, когда тот уже начал падать на него, как стоял, в рост, Гарик заделал ему в пах. Дядька сложился пополам и гулко долбанулся о землю. Девчонки подвывали рядышком, раскрывая рты. Стас подобрал отвертку. Не нож, конечно, но завалить такой можно запросто.

- Пристали, да? - спросил девочек Гарик. Он все еще тяжело дышал.

Старшая из девчонок, с длинными волосами, затрясла головой и сказала, дергая подбородком:

- Авто...у-у... буса... ждали. А эти... с ле-са прям... Яську схвати-и-или и ме-ее...

И она заревела. Вторая, растрепанная, в синем растерзанном платьишке, лет, наверное, семи, тряслась, как щенок. И всхлипывала, вытирая глаза ладошками. Гарик взглянул на нее и саданул дядьку ногой. Голова того мотнулась, как у мертвого. Стас тронул его за руку:

- Хорош!

Потом он кивнул девчонкам.

- Стас... Горя... Не ехали б мы мимо... Ну, ну, лады... Идите, счас я!

Гарик увел девчонок. Стаса и самого колотило. Он все еще держал в руках отвертку. Ему вдруг захотелось взять и ткнуть острием в грудь дядьке, который валялся под ногами. Ткнуть со всей дури, а потом...

Когда Стас отзвонился в ментовку про мерзотных и вернулся к машине. Девчонки уже залезли внутрь. Младшая уткнулась беленькой в плечо и, плакала, давясь и дергая плечиками. Гарик буркнул:

- Х-ля-я... в тебя огород!

Завелись и рванули вперед. Свет фар прыгал по стволам, по малиннику, потом далеко убежал вперед, туда, где виднелись ответные огоньки. Здесь была трасса, здесь не видно было зверья, только лаковые авто со смиренными людьми.

Гаря прибавил газу. Мелькнула заправка, лес кончился и к ним выскочило поле, уже темное, ночное. Над лесом плыли длинные пушистые облака. Стас перегнулся назад. Девчонки сидели тихо, как птички, только глаза сверкали. Старшая достала гребень и расчесывала волосы. Делала она это как-то особенно, плавно, медленно. Красиво и все. Стас отвел глаза, ему не хотелось, чтобы она поняла, о чем он думает. Кудряшка опустила голову и иногда всхлипывала. Закончив с волосами, старшая оглядела Стаса и сказала:

- Меня Алей звать, а она - Яна. Вы мен... полиция, да?

Стас усмехнулся. И покачал головой.

- Не, не менты.

- Грамотно этих... заварили.

Стас оглядывал девчонок: что-то в них было, нет, не от дома, где волнуется мама, где торшер и баушка в халате, нет, что-то от этой ночной дороги, странное, тревожное. Рожицы усталые, замурзанные, сами растрепанные. Без вещей. По лесу шляются. Вот в машину их взяли чужие, посторонние, а они и притихли, как котята бездомные. Бродяжат? Или сбежали от кого? Из школы, от родных? Эта Алька еще смотрит так, прямо, с вызовом, ну, да, какие-то там парни, кто их знает... Тоненькая, каждая черточка в одно касание намечена, едва-едва. Глаза блестят. Красивые, между прочим, глаза. Шейка, ушки, носик. А эта, Яська, маинькая... Кудряхи эти, глазищи темные в слезах. Интересно, они сестры, что ли? Ни черта ведь не похожи.

- Живете-то где, куда везти?

Аля отвернулась, поправила прядь за ухом, облизнула губы и сказала еле слышно:

- В Мытне... на этой, на Корсакова.

И Стась почему-то сразу понял, что она врет и что у них случилось такое дело, которое за чаем не обсуждают. Такое пожар-дело, которое в полчаса не поправишь.

Вдруг младшая заревела. Алька обняла ее, кудряха так и зашлась вся:

- А куда мы-иии... Не пойду-у-у... Опять он станет!... Аля... Аля-аа...

Гарик сглотнул, прищурился и съехал в проулок. В тихий такой проулок. Слева была сирень, справа куча песка, аккуратно накрытая брезентом от дождя и воров. Стас оглядел девчонок. Алька съежилась и все гладила Ясю по кудрям. По растрепанным и смятым кудрям, давно уже не видевшим тёти-парикмахера.

- У вас что, с ментами нелады?

Алька взглянула на сирень, потом на Стаса, кивнула и сказала тихо:

- Нет. С отчимом... Он ничего... сначала был. Когда мамы... не стало. Потом связался с теми, кто мальчишек... фоткает. Понимаете? И тогда нам...

Стас разозлился, как только Алька выговорила "отчим" и "мальчиков". А Алька как будто никак не могла дальше сказать, слова никак у нее не выходили. Цеплялись одно за другое. И никак. Когда Алька выговорила "нам", она вздрогнула и замолчала, всхлипнула, слезы покатались по ее щекам, одна за другой. И лицо ее, тонкое и правильное, искажалось, как будто лицо это нарисовано на бумаге. И листок этот, с красивым нарисованным лицом, кто-то мял в руках, собираясь выкинуть.

У Стаса снова всплыла в голове драка в лесу, но не на ком было срываться, некого было за эту Алю бить. Бить до смерти, убивать.

Стас опустил глаза и тут заметил, что Гарик намертво зажал рукоятку тормоза, даже костяшки белые. Стас ткнул кнопку бардачка, порылся там, вытащил пачку бумажных платков, снова повернулся к девчонкам. Яська притихла и лишь изредка вздыхала, как вздыхают дети после того, как долго-предолго плакали. Она протянула ладошку и взяла у Стаса платки. Аля всхлипывала и все никак не могла разорвать обертку. Стас потер лицо.

- А вы давно... в бегах-то?

- Три дня. Как он... полез, так и...

Стас задумался. "Ищут их, не ищут, это дело второе. И с другой родней у этой парочки, как видно, не густо. Надо бы им сейчас... Надо... Не в ментуру же сдаваться. В приют, так? В спецприемник... Каша, вот же каша какая!"

Все, что прошло мимо него за весь этот длинный день: "Маракана", рыжая Рита, выпивка, бассейн, обед, девятка пик, все это как будто стерли тряпкой из его памяти. Стас вдруг отчетливо понял: высади они сейчас девчонок и что-то в его жизни пойдет не так. И еще Стас знал, что Гарику этого сейчас не объяснишь. Он сам должен все понять. И когда это все, в одну секунду, в полвзгляда - от бетонного столба до эмалевой жестянки знака обгона - прокрутилось у него в голове, Стас даже повеселел.

"Чужие и свои. Даже странно... Свои и чужие. Свои!"

Фрагмент II

Обновки и раздумья.

...Аля выглянула в окно: черный "кукурузер" урчал, втягиваясь в ворота. Яська тут же бросила телик, где крутили ее любимую "Русалочку", встала рядом с ней и замороженно смотрела на то, как вылезает из машины Гарик. Как он открывает багажник, нагибается, достает пакеты и идет к дому.

"Вот дурища, - расстроилась Аля, - Стоит, тащится. Наказание просто. Так и тянется к каждому длинному козлу. Как Ханси, мол. А кто его на самом деле знает?"

Если честно, Гарик ей, Але, тоже нравился. Высокий. Большой. От таких или угроза, или защита. И лицо... резкое, суровое. Черт знает, какое. Но надежное. Только Аля точно знала: надо держать линию. Держать намертво. Они с Яской всегда были сами по себе. Среди безразличных, среди чужих. Разве эта дурочка знает, сколько в каждом намешано всякого. Не знает и тянется. Как щенок. К каждому, кто погладит.

Дверь отворилась.

- Привет! Как вы тут?

- Стирали, убирались... Обед готовили.

- Молодцы, - буркнул Гарик, сваливая на огромный диван в прихожей пакеты, - Я вам там купил... всего. Погляди!

Яська все приговаривала что-то, оглядывая длинное, с вытянутым подбородком, хмурое лицо Гарика. Аля заметила, что он слегка косится на девчонку и лицо его понемногу разглаживается, становится мягче, губы расползаются в улыбку. Ему, как видно, хотелось взять Яську за руку, взять и погладить, но Гарик стеснялся.

«Он хороший, добрый, наверное, просто... Просто... у него тоже, наверное, не все гладко. Он вчера нас в самом деле спас. Зря я думала про них, что..."

Аля отвернулась и зашуршала пакетом.

Там, в пакетах, был целый воз добра. Для двух малохольных девок, болтающихся по лесу без копейки, в мятых нестираных тряпках, как

бродяжки. Целый воз. Доб-ра!

- Фиганс! - выдохнула Аля. Гарик посмотрел в ее переливчатые, синие с зеленым глазищи, порозовел и отвернулся. Тут до нее вдруг доперло, что он, Гарик, обалденный. Аля не знала, что сказать.

- Спасибо... У нас... ничего, а вы... вы... - в носу у Али защипало. «Фл-яяя, глупость какая!»

- Да ладно...- Гарик мялся и Аля подумала: им не просто повезло, а дико, дико-образно повезло. Им. С ребятами. По-вез-ло!

- Поесть там чего?

- Суп и котлеты... Еще компот, - бормотала Аля. Слезы вскипели у нее где-то внутри, но так и не пролились.

К пакетам подъехала Яська и рылась там, приплясывая:

- А маечка, маечка красивая есть у вас? Мне низ-зя без маечки!

Аля заморгала, хлопнула ее по руке и велела нести пакеты наверх. Не здесь же мерить, правда? Яська подгрести пакеты, а Аля шла за Гариком в кухню по коридору. У него была длинная жилистая спина. Шевелились лопатки и чуть раскачивались узкие бедра. И затылок у него был точь в точь такой как у Ханси Лунгрена, актера, который играет в боевиках невозмутимых бандитов. Такой же худой и спокойный. Этот Ханси шмаляет с двух рук из пушек, а на девок ноль внимания. Так, притиснет наскоро и хорош. Он, как большой сильный пес, живет сам по себе. К такому не подходи, без пальцев останешься.

И вот он, Гарик-Ханси, взял и припер им, дурам голозадым, полмагазина тряпок. И каких... А как же он попал в размер?

Тут до Али дошло, как. Очень просто. Взял рано утром и померил сантиметром мокрое их барахло. Затрепанные майки, платица, труселя. И она, Аля чуть не плюхнулась прямо тут, посреди коридора, на пол, и не заревела. От жалости, от нежности. Никогда и никто их так не любил. Даже бабуня. Ни-ког-да! Так! Не лю-бил!

Аля налила Гарику суп, потом притащила со сковороды котлеты. А он ел. И смотрел в тарелку. И ей было неудобно лезть к нему. Аля отошла к окошку и сказала:

- Гарик... Вы супер!

Гарик хмыкнул, покрутил головой и спросил:

- Ага... Откуда так готовишь-то?

- Мы с Яськой сто лет одни болтаемся. Баушка учила, потом соседка, пока поселок не развалили. У нас там... в Рахматово. Я люблю готовить.

- Вкусно, - похвалил Гарик и откусил разом полкотлеты. Аля налила ему компота из кастрюли и встала у холодильника, сложив руки на груди.

"Что ему еще сказать? Спасибо. Ну, так сказала уже. Он для Яськи, как для своей, старался... Почему? Для чужой, как для своей. Ну, почему, а?"

Аля шмыгнула носом и отвернулась.

- Я пойду... Мерить.

- Умгу... Давай...

Когда Аля вошла в спальню, Яська скакала у кровати в розовых новых трусишках. Она была похожа на лошадку в цирке: попка выпячена, коленки торчат. Худая такая лошадка.

Лена покачала головой.

- Выступать, что ли будешь?

- Й-у-у, - кивнула Яська, визгнула и затопала по полу.

Аля разложила вещи в стопки и велела Яське помочь ей волочить белье в ванную, чтобы замочить. Не одевать же прям из мага, надо хоть сполоснуть.

Внизу Гарик возился с компом, потом уселся смотреть кино по телику. Приличное какое-то, без мордобоя. В ванной шумела вода. Гарик вдруг подумал, что в доме начались какие-то новые дела. Они, эти дела, были еще не совсем понятны Гарику. Одно было ясно: это надолго. Но возня эта выходила нужной, главной, правильной. И какой-то там еще. Но про такие тонкости Гарик, не стал и думать.

На ужин Аля сварила макароны по-флотски. Она это умела супер как.

Фрагмент III

Люстры из паутины. Невеселое прошлое. Мамины отъезды. Чёрный год. Жульки и орёл. Каторга за семнадцать тысяч.

...Глядя на то, как Яська мылит руки, Аля сказала:

- Смотри только, не лазай к ним в комнаты. Неудобно. Люди нам доверяют. А то...

- Люди... Это же свои. Ребята. Сама же говорила. Ну, а у своих можно просто так жить. Без выкрутасов.

- Сказала же, ничего не бери. Меня хотя б спрашивай.

"Свои", "ребята". Откуда? У них своих сроду не бывало. Только разве бабуня, в старом поселке, в Рахматово, где они жили. Хорошо так жили. Мама? Ну, она уезжала всё время. А они оставались и жили сами по себе.

Из самого далекого детства Але вспоминалась другая мама, которая была рядом. Которая переживает, если болеешь. Та мама, которая никуда не спешит. Красивая, добрая. Но это недолго было. Наверное, лет в десять Аля как-то раз устроила маме сцену: я же, мол, тут без тебя, а ты... И все такое. Ну, конечно, мама расплакалась, обняла ее и все приговаривала, что скоро ей не надо будет уезжать. Только дня через два, рано утром, они еще спали с бабуней, мама наскоро собралась и снова пропала. Аля намертво обиделась. И не слушала уже бабуню, которая ее утешала, маме, мол, работать надо. Где-то там, без нее, без Али своей, работать. Раз уехала, так и пускай.

У них там, в Рахматово, была тогда школа. И подружки тоже были - Дашка, Еля, Ленуська. В школе Аля про маму все поняла классе во втором. Новая училка, Нина Колаевна, говорила с завучихой: "У них только бабка. Живут сами по себе. Кое-как..." Ну, да, сами по себе. Точно. Но главное были не слова, а тон. Такой, особенный, и еще то, как она, стриженная Колаевна, при этом на нее, на Алю, посмотрела. Тут Аля и поняла, что мама у нее не такая, как у всех. У нее мама, "которая уехала". Насовсем. Деньги мама присылала и посылки там. Но была сама по себе. Всегда.

А уж когда приехала она, уже с Яськой, Аля еле ее узнала. Ничего от той, прежней, красивой ее мамы, не осталось. Сквозь тебя смотрит, на крик все время срывается, руки дрожат. Яся совсем кроха была. А мама к ней, к Яське, как-то не особо, как будто это котенок, да еще чужой... Ну, что же делать, что? Они с бабуней Яську выходили.

Сколько же Яське было, когда мама снова уехала? Годика три, не больше. Понятно как, по горячке. Уже не могла дома высидеть. Что тут делать, мол, в поселке вашем. А что она, Аля, делала? В столовке комбинатской помогала, по мелочи там, картоха-капуста, подтереть-убрать, за котлами приглядеть. Да мало ли, что еще. Пенсия у бабуни известно ведь, какая.

Потом что? Потом бабуня умерла. Это она, Аля, не хочет вспоминать. Себе дороже. Яська сразу сообразит, о чем она думает. И пойдет бодяга. Три дня не успокоишь. Непонятно даже, кем для них бабуня была. Как свет из окна. Окно может ведь в глухую стену выходить, а может - на солнечный луг. Может... Бабуня и ворчала, и запирала их. Еще выпивала, а как же. Но как приснится тебе, сутулая, сморщит личико свое, так плачешь, как заведённая.

Спасибо, были соседки (еще были, еще не разъехались из побитого, старенького, из березового их Рахматово), кое-как устроили. И с комбината помогли. Она, Аля, маме телеграмму отбила (по адресу с коробки от последней посылки), но ни ответа, ни привета. И она, Аля, тогда решила школу пока отставить, а потом уже, экстерном, сдать. Ну, недели две спустя, мама все же приехала. Да только не одна, вместе с Валькой. Мама уже была еле-еле. Выпивала? И это, конечно, тоже. Но чаще усядется рано-рано в кухне, у окна и смотрит, будто кого дожидается. Ясин отец, как видно, был для нее всё-превсё. Лучший на свете. Кто он такой был, как у них вышло, она, Аля, ничего не знает. И уж не узнает теперь. Красивый, наверное, но такой...сам по себе. А, может, женатый. Тосковала мама, тосковала. И быстро, в полгода, стояла. И так это все вышло, в какой-то один чёрный год...

- ...Алька, ты что тут затаилась, а?

"Яська, Яська, ты молодец! Хорошо, что ты есть, моя Яська! А затаилась я просто так. Без причины, ясно?"

Аля потерла лоб. И прихватила Яську, и крикнула: "а, ну!".

И они рванули по коридору, потом по лестнице, как лошадки. Как две совершенно довольные лошадки-пони.

"Яське ведь нельзя больше тосковать. Хватит с нее!... Надо ей, Але, вот как держаться. Сколько сумеет. А, может, ее и не заловят. Может, у мельтов дел по горло. И им никакого нет интереса до всякой там мелочи... Ну, почему у нее все так фигово, а?"

Аля выдохнула.

- А навернётся, тогда как?
- Тут ковры везде. Где я навернусь-то?
- Да уж ты найдешь.
- Слушь-ка, слушь... А Стась с Гариком кто, жульки?
- Ты что, какие жульки?

Аля плюхнулась в огромное кресло, которое стояло перед плазмой. Яська влезла на широкий бархатный подлокотник.

- Обычные. О которых по телику показывают.

Аля уже улыбалась. Яська могла в один момент выветрить из ее головы все мрачное. Яська, она молодец, она...

Аля сгребла девчонку и сунулась в ее кудряхи лицом. Яська молчала, сопела только. Как собачонок прям, молчит и носом елозит.

- Они не жулики. Ты не брякни где-нить еще это. С тобой от стыда сгоришь. Ты приличная девочка, правда?

- Умгу.

- Не "умгу"! Говори по-человечески. Ребята... у них свое дело. Предприятие. Ну, офис там.

- Какой?

- Какие офисы бывают. Дом. Комнаты. Кабинеты там, где люди работают. Склады всякие. Сотрудники. Как у нас, на молкомбинате, было, только поменьше.

- Фигас, здорово! Они богатые, да?

- Ты, Яся, вот чего, - сказала Аля и щипанула кудряху за спинку, ощутимо так, Яська визгнула, - не говори больше всякие фигасы, фиги, нафиги и прочее, это не-при-лич-но. Ты поняла?

- Фи... Я поняла. Правда, правда, поняла!

- Ну, что за наказание, ругаешься, в нос пальцы тянешь. Как из леса. Ты же не дикая, нет?... Вот возьму и отдам тебя в пансион.

Яська отодвинулась.

- Не отдашь!

"И глазища какие яростные, - улыбнулась Аля, глядя на стестру, - Прямо львица!"

- Запросто!

- У тебя денег нет.

- А я у Гарика попрошу. Пускай там тебя выучат, как следует.

- Гарик тебе не даст.

- Почему же?

- Он добрый и... Он не захочет, чтоб меня в пансион. А ты, ты...

Яська соскочила с кресла, встала перд ней, кулачки сжала. Нет, не львица, только щенуська.

- Ну, что, ругаться?

- А зачем ты?

- А ты зачем?

Аля вздохнула.

- Куда я тебя отдам, что ты, дурочка, да? Я скорее себя отдам, чтоб... чтоб только...

Аля отвернулась.

Яська подошла к ней и тронула за плечо. Аля взяла её за руку. И так они молчали в большой комнате, обитой блестящими бежевыми панелями. В комнате с зеркалами, плазмой, двумя картинами в пышных рамах и старинным ореховым буфетом. Там, в буфете, стояли на полках стопочками тонкие-претонкие блюдца. И сахарница, и чайник, и ещё молочник. На фарфоровом подносе с витыми ручками.

"Поругались. Помирились. Если б в жизни все так просто было... В пансион, как же. А в приют не хотите? Ведь если ее, Алю, засадят в тюрьму, то Яську отдают отчиму или в детдом, так? Но ведь Вальке ее отдать нельзя, правда? Ну, почему же? А потому, что он маме был никто. И им тоже. Отчим, это так, одно название. А по закону... А, может, он, Валька, возьмет и добьется, чтоб развальню их себе прикарманить с участком, и стать на самом деле опекуном над Яськой? Про его дела с мальчишками еще доказать надо. А как она, Аля, оттуда, из тюрьмы, докажет? За кражу сколько дают? Смотря за какую? За 17 тысяч 756 рублей? В шкафу есть книги, и про законы, наверное, тоже. Раз у ребят своя фирма, должны про это книги быть. И Уголовный Кодекс, наверное, тоже".

- Аль, пойдём орла смотреть?

- Какого орла?

- В комнате, у Гарика. Такой вот орёл!

Яська растопырила руки и нагнула голову, показывая, какой там у Гарика орел.

- Как настоящий.

- А ты зачем лазила?

- Я в дверь только заглянула.

- Ты заглянула, а тебя фотик - чик - и готово. Вот потом стыдно будет, что Яся лазает везде. Нос сует.

- Ну, не ходи, не надо. Только... не запрещали же, так?

- Это не значит, чтоб лазить.

- Я и не лазаю. Что ты с этим пристала, лазить, не лазить. Мне, может, скучно!

Они пошли по лестнице наверх. Аля шла, поглаживая перила, обводя медные шишки пальцем.

"Раз скучно, надо ее чем-то занять. Огород там, беседка, книжки. У ребят нет детских книжек, совсем никаких. Так надо купить. На что? У тебя денег ерунда всего. Надо будет за Яськиным пособием в собес ехать. Ну, да, ехать... Ты приедешь, тебя и арестуют. Потому что ты, Аля, воровка. И отправят в тюрьму..."

Фрагмент IV

Явление Ксаны. Смирный зверь Rosen-Лев. В гостях у чертей. Хорёк с заточкой.

Когда желтое такси показалось у ворот, Аля с Яськой стояли у окна. Сначала показалась пластиковая нашлепка с шашечками, надпись "New taxi", а потом крупные бежевые цифры. Аля вздохнула и Яська обняла ее. Гарик с Стасом пошли встречать. Катя стояла у стола и смотрела на девчонок. На неподвижное Алино лицо. На Яську, которая прижалась к ней сбоку. И Кате стало тоскливо, выскочили мысли про свое, про того шизика с заточкой, потом про Гарику, потом снова про девчонок.

Потом Аля и Яська пошли на крыльцо, а Катя двинулась следом. И там она удивилась перемене, которая случилась с Алиным лицом. Только что смотрела, как немецкий автоматчик, сейчас прям возьмет, что под рукой, тарелкой там, чашкой, и пустит в Ксану, как только та покажется у ворот. Но теперь Аля была просто прелесть, серьезная, но приветливая, в глазах интерес: ну, что там у вас за Ксана, подавайте ее сюда. Вот так девчонка!

Яся вытягивала шею, разглядывая Ксану в машине. Аля стояла и улыбалась. Улыбалась. Смутной такой домашней улыбкой. Это просто в гости к ним приехала какая-то женщина. Как приехала, так и уедет.

Дверца щёлкнула и распахнулась. Ксана легко выбралась наружу. Яська вся подалась вперед, разглядывая ее. Ничего особенного: платье короткое, стрижка, туфельки, сумочка.

Но... Платье, французское бордовое платье, сидело на Ксане лучше, чем на актрисах в кино. Подол - чуть выше колена - в самую точку. Тонкий лаковый пояс, сумочка жатая, маленькая. И туфли на низком каблук, с ремешком, носок закрыт.

Ксана повела плечами и шагнула к ребятам. И тронула Стаса за рукав и заглянула ему в глаза, потянулась к Гарику, чмокнула его. Повернулась к Кате, оглядела их с Яськой. Аля смотрела на небольшую эту, остроглазую, отлично одетую, уверенную женщину и

жалела себя. Она снова подумала про "утенка", про то, что Стас "из жалости". И не могла шага ступить.

Обними сейчас Ксана Стаса и так, рука об руку, подойди они к крыльцу, Аля, ни минутки не задумываясь, запустила бы в них чем попало. Катя это верно угадала.

Но Стас легко отодвинулся от Гарика с Ксаной, повернулся к ней, к Але, кивнул и губы его дрогнули. Этого Але оказалась достаточно. Мир вокруг нее оттаял, сердце забилось часто, как будто где-то внутри запустили мотор, вся мелкая суета выплыла к ней разом: такси разворачивается, воротина ползет в сторону, Гарик подвигается к ступенькам, Катя говорит что-то Ксане, солнце выглядывает из сосновых крон...

- ... Меня зовут Ксана.

Яська вздрогнула и отодвинулась за Алю. А та подошла к Ксане вплотную и заглянула ей в самые глаза. У Ксаны оказались темные, большие глаза, но в глазах этих никакой ненависти она не заметила, все там было спокойно, в чайного оттенка глазах. Переливались они и больше ничего. Тут Гарик что-то сказал, Ксана повернула голову, Але открылся ее затылок, из-за уха выбился завиток, тонкий завиток другого оттенка, светлее, чем прядки вокруг. И еще видна стала складка, тонкая складка, ведущая от косточки за ухом к скуле.

Ксана оглядела Алю.

- Аля... Яся... Яна, да? Вы сестрички?... Я вам кое-что захватила... Горя, дай пакет... Ну, хорошо, пойдем в дом... Я только...

Они что-то еще выговаривали друг другу, кивали, Яся вертела в руках куколку в кимоно. Потом Катя и Ксана отправились в ванную, потом все расселись: Аля с Яськой, рядом Стас, Ксана напротив, тут же Катя, а длинный, серьезный Гарик - во главе стола. Выскакивали короткие смешные фразы про хлеб и поднос, про сквозняк и жару, а Аля все вспоминала этот завиток, о котором не знала красивая эта Ксана, о складке за ухом.

Але казалось, что в этих мелочах сидит какая-то тайна и расскажи она об этом Стасу, они бы смогли посмеяться над Ксаной, посмеяться и забыть ее навсегда. Но Аля знала, что это ей только кажется. Она временами засматривалась на смуглую. Сравнивала, запоминала ее по кусочку: сережки, вырез, ключицы, плечи, блестящие волосы, щеки, губы. И тяжелый пристальный взгляд. Смуглая Ксана выходила

красивой, куда лучше нее, утенка с брошкой, сиротки из леса. И Яська прижалась к ней и шепнула:

- Она злая, да?

На что Аля уткнулась в кудряшки сестры, чмокнула ее в ушко и быстро спросила:

- Почему?

- Острая такая, разве не видишь?

- Да брось ты! Красивая просто. И все.

Яся отодвинулась и взглянула на Алю удивленно и тронула пальцем висок, что, мол, говоришь.

Но все шло своим чередом: хвалили мясо, Ксана спрашивала, кто готовил, про ресторан, потом про себя, про какие-то показы, про рисунки.

Катя понемногу успокаивалась. Аля сидела спокойно, даже улыбалась, а что глаза блестят, так это бывает. В глазах у нее Катя не выловила угрозы, да и на Ксану Аля уже не смотрела, спросят, ответит и все.

Ксана похудела, сменила прическу, стала она как будто посмирнее, ни к кому не лезла, говорила тихо. Время от времени Катя ловила Ксанины острые взгляды на Стаса, на Алю, но и только. Ксана ведь знала ребят куда больше Кати, еще с тех времен, когда те устраивали "большие загулы", ездили с оравой подружек по дорогим кабакам, на многолюдные пикники. Когда могли в одну ночь сорваться в загранку и все такое.

Как-то Ксана сама, подвыпив, рассказала ей про свои "эскорт-дела", как начинала она "воевать столицу". Но теперь, как слышала Катя, у нее свое агентство: модельки, наряды, клиенты и касса. Связи и кое-какая известность. Не Зайцев, само собой, но кто надо, тот знает. С Стасом у них была "своя история" и довольно длинная. Как поняла Катя, он и Ксана сходились "по случаю" и так же легко расставались. Потом Ксане попался какой-то "нефтяной", но в итоге она снова здесь. Значит, приехала "на разведку". Катя обвела глазами стол и села, подперев подбородок

"Ксана сейчас поддаст и тогда надо будет смотреть в оба, лучше бы нам одной криминалкой обойтись, Семчику шизик этот, наверное, до сих пор мерещится", - накручивала себя Катя.

Но все было мирно. Ксана начала что-то про "ровер", который приехала забирать. Выясняла "про свое" Ксана потихоньку: После разговора о сервисах и бензонасосе, она повернулась к Але и спросила, сколько лет "малышке". Та ответила, а Ксана завела что-то про лицеи и дошколят, как будто всю жизнь работала завучем.

Катя сидела и считала рюмки. Против ее ожидания, Ксана пила умеренно, не торопилась. Когда они с Алей притащили горячее, утку с яблоками, Гарик включил музыку и Яся "показала класс". Танцевала она, в самом деле здорово, Аля кивала: "Она такая, только держись. Музыкантша в школе в ансамбль ее все звала". А Гарика смотрел на Яськины выкрутасы с таким смирным выражением, что у Кати защипало в носу. Как раз тут Ксана поднялась и потянула Стаса танцевать. Из динамиков выскакивало бойкая барабанная "Camisa negra", но Аля смотрела совершенно спокойно, как они танцуют, Катя обрадовалась. И хлопнула коньяка. Аля пошла танцевать с Гариком, Катя вышла на кухню, всего на секунду.

А когда вернулась, Стас и Ксана уже были в саду, у навеса. У Али было каменное лицо. Она по инерции кивала еще Яське, крутившей попкой под взглядом Гарика. Катя встревожилась. "Если эти два дурака, - подумала она, - Стас и Ксана, вместо того, чтобы заводить "ровер", слегка только "прижмутся", к вечеру в доме будет, по крайней мере, один труп". Катя поднялась и, "в ритме", покачивая руками, выглянула с крыльца. Выглянула и обрадовалась: Стас что-то размеренно выговаривал Ксане на лужайке, отмахивая рукой, а Ксана слушала его с растерянным лицом. Потом Стас развел руками и пошел обратно. Rover исправно урчал "на холостых". Ксана с той же, совсем постной рожей, полезла в салон, вырубил движок и так и осталась сидеть там, глядя куда-то в сторону леса. Катя быстренько подалась с крыльца, подкралась к прыгающей на ковре Яське и ухватила ее за бока. Девчонка мякнула и велела ей танцевать. Что Катя с удовольствием и сделала.

Потом выплыло из динамиков нечто медленное, Стас пошел танцевать с Алей. Медленное это было такое красивое, похоже на вальс, даже и лунный, откуда Кате знать, но выходило так классно, глаз не оторвать. И Яся подъехала к Кате сбоку и доложила ей, что "они как принц и Ариэль, правда?", и Катя кивнула. Правда, мол, похоже. Хотя Аля смотрела на своего кавалера так серьезно, как будто они лет

десять были мужем и женой. И Катя снова позавидовала выдержке этой девчонки.

Тут Гарик сообразил, что есть тут еще одна прекрасная дама ("Наконец-то!") и пригласил ее. Они поплыли вслед за первой парой, не к самой луне, разумеется, но вроде бы уже над крышами. Яська уселась на спинку дивана и разводила руками, как дирижер.

И уже мельком, прижимая к себе здорового Гарика, Катя увидела, как притащилась из сада хмурая Ксана. Лицо у нее было такое, что нечего было и думать отпускать ее на этом «ровере»: доедет до ближайшей трассы и вырулит фуру "в лоб", чтоб зря неотложку не гонять. "С другой стороны, - размышляла Катя, - и по ванным пускать ее одну не следует. Заляжет туда с лезвием. И капец!"

А Гарик так сладко гладил Кате бока, что она совершенно точно поняла: никакая она не тетушка, пускай и русалочья, а молодая и красивая, которую вот этот обалденный мужчина очень и очень хочет затащить куда-нибудь в уголок. И Катя была не против. То есть совершенно «за».

Но... Надо было разбирать стол. И тащить посуду на кухню, а остатки мяса - в холодильник. И еще протереть, и вымыть. "Хотя, если сказать честно, - прикинула Катя, - ребята совершенно запросто могли бы завести прислугу... С другой стороны, взять хотя бы ее персонал, уборщицу хорошую найти, так замучаешься... И потом, что бы сейчас делала кухарка, сидела бы в кухне и ожидала, пока мы свалим? Или ерзала бы тут с тарелками?"

Сад накрывали теплые летние сумерки. За лесом еще высвистывала свое электричка, стрекотали у забора кузнечики, но понятно было, что можно еще болтаться в саду, глядя на синеватую задумчивую луну и острые точки звезд, но пора и на боковую.

"Успокоить, обидеть, так это все рядышком ходит. Как полюбить и погубить..."

Зря Катя волновалась. В кухне было кому убираться и без всякой кухарки. Взясась за это Аля. И красивая, и счастливая, наверное. Ну, а что, счастливые не убираются, что ли? Народа всего ничего, а посуды вагон. Машина гудит, крутится вода по ободкам, уже две стопки до блеска отмылись. Потом сушить, потом... Муркотал в углу блестящий Rosenlew, как большой, но смирный зверь.

Когда Стас возник в дверном проеме, Аля повернула голову и мельком взглянула на него. Взглянула и тут же отвернулась.

- Она зачем приехала? - спросила она, глядя на красивую кафелинку с розой.

- Кто?

Голос у Стася был хриловатый, странный такой. Он и сам удивился, что так волнуется.

- Ксана.

- За машиной, ты же знаешь. Заберет и...

- Я не хочу ее больше видеть. Никогда.

У Али слова эти, сказанные кафелинке с розой, выходили ровные, будто вырезанные опасной бритвой. И Стас хотел было хмыкнуть. Но у него ни черта не вышло. Не вышло и все.

- Мы ничего друг другу не обещали.

- Так пообещай!

Стас подошел к Але вплотную и опустился на колени. Она замерла, как должно было замереть все вокруг. Но вода еще выливалась из крана. И бормотал свое Rosen-Лев. Длинный Стас стоял на коленях и выглядело это прекрасно. Для них обоих. Но со стороны выглядело это странно. Как и любое другое, нежное и маленькое, что сидит между людьми.

Стас стоял на коленях перед Русалкой и молчал. Аля опустила руку и Стас наклонился и медленно коснулся ее пальцев губами: указательный - чмок, большой - чмок, мизинец... И Аля руки не отдергивала, как недавно, в зале, нет. Даже сама подставляла пальцы. Мизинец - чмок... И снова указательный попался Стасу.

- Ну, ну...

Аля убрала ладонь. Она стояла все так же, но кафелина перед глазами вдруг расплылась. Аля закрыла глаза. Стас обнял худые, тонкие, удивительные коленки Али, сглотнул и сказал отдельно, все тем же странным голосом:

- Я клянусь... что... никогда...

Пока он, Стас, выговаривал эти глупости, ему хотелось: 1. чтоб губы перестали дрожать. Правда, они, губы, ни черта не слушались 2. взять и долбануть в бочину доброму Rosen-Льву 3. долбануть со всей дури! 4. так, чтобы расшибить костяшки. Широкие свои костяшки. Но Стас сдержался. И губы перестали дрожать. А, может, просто ему

показалось это все, с губами. Это же ведь глупость, когда дрожат губы. Какие-то удивительные, распрекрасные такие глупости, нет?

Вместо всего этого Стас целовал сквозь подол Алины колени. И выходило это щекотно. Щекотно и здорово. Она стояла и ждала, что Стас устроит дальше. Он обязательно должен был дальше что-то сделать. Такое, от чего Але заранее было горячо. Сердце ее билось быстро, но она, Аля, не боялась. Подумаешь, сердце колотится. И пускай!

Мельком, еле-еле, по краешку, Аля подумала: сейчас самое время сунуться сюда Ксане. Вот она вылупится. А, может, засмеется. Или заплачет. Аля повернет голову и посмотрит на нее, на смуглую и красивую. Которой ничего тут не светит. Ни-че-го!

Rosen-Лев муркотал, изображая, как видно, Rosen-Love.

Вот только Ксана никак не могла заглянуть сейчас в кухню. Ей было не до этого.

Некрасиво открывая рот, она рыдала на плече у Кати. В самой дальней комнате. Кажется, в гостевой бежевой спальне.

- Ну, скажи... скажи... Ка-акого ему-у хре-на... на-адо?

Ксана всхлипывала и утирала сопли. И снова начинала подвывать. Как будто внутри ее красивой головы сломалась какая-то важная деталь. Та самая, которая отвечает за повторы. Простые словечки путались, расползались вместе с ахами и сморканием, проскальзывали по диванному плюшу и бессильно растягивались на ковре. На пушистом разноцветном ковре, который щекотал Катины голые пятки. Тонкая Ксанина сигаретка, позабытая в голубой мелкой пепельнице, давно размокла от таких волнений.

- В том-то и дело, Ксан, ничего ему не надо. Все, приехали!

И Катя развела руками, показывая, как именно это "все" может выглядеть.

- Он же у ме-еня... в но-огах валял-ся... Ты же помнишь... Два года назад... Два-аа... И я-ааа...

Подбородок у Ксаны задрожал, она возила ладонями по спинке дивана. Катя покачала головой.

- Помню. Конечно помню. Только знаешь что...

Катя повернула голову и посмотрела в синюю прозрачную ночь. И вздохнула.

- ... Если мужика въехала девка в голову. Если так... Все тогда, аут... Спекся Стас. Вот так!

- От... отку-уда они взя-лись?

Ксана выдохнула коньячными ароматами и уставилась на Катю. Глаза у нее были мокрые, несчастные.

- Их чуть не пришили. А ребята спасли. На самом деле.

- Так... она же... малявка еще... Ну, как же, а?

Ксана икнула и все смотрела на Катю, как будто та могла взять и выдать ей точный ответ. Как будто она, Ксана, просто забыла что-то, а Катя запросто может ей забытое напомнить.

- Девчонка, да... Это все так. Но она... Ты понимаешь. Она ему подходит. И потом... у них ведь нет никого. Никого.

Мокрые ресницы Ксаны хлопали. И в глазах пробивалось что-то такое, не слишком приятное. Катя поняла, что не туда заехала. Не в ту сторону. И погладила Ксану по плечу. По смуглому красивому плечу.

- Ну, Ксан, а вот скажи честно, тебе именно его, позарез прям, надо? Ты такая... супер-женщинка, не найдешь себе мэна подходящего? Да запросто!

- Я-а-а его... любл-ю-ю, - протянула Ксана и прижала ладони к лицу.

Катя подвинулась к столику, взяла бокал. Но пить ей больше не хотелось. Лучше было бы съездить с Гариком на реку, а то и дальше. Или никуда не ездить. А посидеть прям тут. Но тот сладкий момент, который выскочил к ней, когда они танцевали, как-то незаметно взял и растаял. И выходила все та же скукота. "Любила, забыла... Вот интересно, вот ей, Кате, кому на это все плакаться?"

Ксана села прямо. Промокнула лицо салфеткой. Потом достала зеркальце...

...Вот как вышло, что к половине третьего Катя оказалась у Хорька. В норе, в дыре. В глухой безнадеге.

Тревога влезла к Кате сквозь боковое стекло в тот самый момент, когда она вывернула на улицу 8-го Марта. Какая там улица, одна развальня кругом. Заборы попадали, все заглушил ивняк да крапива, место было глухое. Но Катя на тревогу свою никакого внимания не обратила, она считала участки. Дом 16 оказался чуть почище, он не выглядел брошенным, калитка на месте и окна целые. Хотя крыша и просела.

Катя остановилась на обочине и вылезла из машины. Надо было сообразить, как теперь подъехать к Вальке, про которого Катя слышала много, но никогда не видела. Пока она соображала, из дома выкатился какой-то дядька и кивнул ей, как старой знакомой. С виду был этот дядька вполне безобидный, потому что: 1. невысокий 2. тщедушный 3. улыбался и 4. во взгляде у него было что-то вроде "наплевать, ерунда". Катя подумала еще немного, но ноги сами занесли ее в сад. Тут она поняла, что дядька немножко выпимши. Дядька, похожий на небольшого зверька, который таращится, но без злобы. Просто он, зверек, любопытный очень. Глазки маленькие, круглые, верхние резцы торчат вперед. Похож дядька на зверька. Выдра, хорек? Пускай будет Хорёк. Поддатый, но смирный Хорёк. Его бояться нечего. Нечего...

- Вы Валентин?

- Пойдемте в дом, там он... Возможно... уже.

Кате показалось странным, что Хорек ни черта не интересуется, кто она такая и зачем приперлась, как это сделал бы любой на его месте. Хорек был худой, мелкий, нос-кнопка, волосы растрепаны, одет кое-как: мятые брюки, куртка черная. В руках кошелка какая-то. Безобидный, пустяковый. Не оглядывался, как будто сто пудов знал, что она, Катя, за ним пойдет. И Катя пошла за Хорьком. Как будто он ее приманил, соображала Катя потом.

Соображала, когда попалась.

Ей надо было расспросить дядьку тут же, на терраске, Валька он или какой там черт. Надо было... Но ей, Кате не было тогда страшно. Какого-то пенька трухлявого еще бояться.

Хорек показал, куда пройти, снова кивнул и про масло пробурчал, погоди, достану бутылку для масла и приду. Один момент.

Катя вошла в Алькин дом, как будто в её жизнь. Беднота тут была примерно та же, что и у баб Веры: полы темные, кривые, потолок давно не белили, лампа тусклая. Разбедняцкое такое жильё. И запахи бедняцкие: кислым чем-то. Окна хотя бы мытые. Это, наверное, Алька постаралась.

Тут Катя услышала, как щелкнул дверной замок.

На пороге кухни возник Хорёк. Он стоял в проеме и задумчиво разглядывал Катю. Глаза у него теперь были пустые, внутри него исчез смешной и поддатый и выскочил какой-то новый. Хорёк, который может укусить до крови... И еще, сидело на этом новом лице скучное

такое выражение. Как будто расстроился он, что пришла именно Катя, а не кто-нибудь другой.

- Дверь зачем запер, а?

Катя уже испугалась, но держалась, вид у нее был еще боевой. Но тут Катю сердце поднялось в горло и стучало там как заводная лягушка.

- Я тебя спрашиваю! Зачем?

- Черти кругом, как иначе-то. Надо на замок, чтоб не влезли.

Тут Катя сообразила, что Хорек не в себе. Мысли ее понесло кругами и одно она вытаскала из этого круга верное, только одно, как единственный выход: говорить с ним надо так, как будто все в порядке и черти - дело обычное. Иначе ей живой отсюда не выбраться. Если у него, у Хорька, в башке заклинит, он ведь и кинутся может, а сотик что, не прилетят же сюда менты на крыльях, в одну минуту. И пока они, менты, едут, дядька трухлявый запросто может взять и долбануть ей по голове...

Катя подумала про баллончик, который обычно таскала в сумочке. Про маленький баллончик с перцовкой. Но сегодня она взяла другую сумку, бежевую. А перцовка осталась в белой. Не зря ей Семчик говорил... Не ездят одна. Не...

Катя сглотнула и подняла глаза на Хорька.

- Черти? Ну, да, бывает... А Валька где?

- Понимаешь, он, как тебе сказать...

- Ушёл?

- Нет. Куда ему уйти. Здесь он, в большой комнате.

- Пьяный?

- Нет, он уж не пьет. Теперь...

* * *

ОКОНЧАНИЕ ОЗНАКОМИТЕЛЬНОГО ФРАГМЕНТА
ПОЛНЫЙ ТЕКСТ ПОВЕСТИ ВЫ ПРИОБРЕСТИ, НАЖАВ КНОПКУ
"КУПИТЬ" У ПОВЕСТИ НА САЙТЕ.

АДРЕС ЛИТФОНДА
semenov-2211@yandex.ru